

Давно прошли те времена, когда индологи свободно читали на латыни и греческом, а специалисты по классической филологии учили санскрит. Клаус Карттунен – один из немногих, кто профессионально работает как в области антиковедения, так и санскритологии. Его первые публикации были посвящены Ктесию Книдскому. Затем появилась диссертация, превратившаяся в книгу «Индия в ранней греческой литературе». Исследование получило продолжение в монографии «Индия и эллинистический мир», а в ближайшие годы автор планирует издать очередной том – «Индия и Рим». Таким образом в нашем распоряжении окажется обширный обобщающий труд по самым различным аспектам темы «Античность и Индия».

Финский индолог превосходно знает литературу на английском, немецком, французском, итальянском, испанском, польском и русском языках. Он проявляет живой интерес к полузабытым публикациям прошлого века – при этом порою оказывается, что новые и оригинальные интерпретации, на самом деле, имеют весьма далеких предшественников. Аккуратное изложение истории вопроса делает рецензируемые книги ценными справочными пособиями. Впрочем, иногда в них заметно любовное коллекционирование курьезов – дикие идеи Ф. Вильфорда (начало XIX в.) или некоторых современных индийских авторов, отождествляющих санскр. asuga с ассирийцами, вряд ли заслуживали даже упоминания.

Стремясь к подведению итогов развития историографии, К. Карттунен уделяет пристальное внимание методике научного анализа. Он не боится обвинений в гиперкритике, предпочитая увлекательным гипотезам надежно установленные факты. Характерна его критика построенный П.Н. Эггермонта, слишком часто пренебрегавшего строгостью фонетических соответствий при сопоставлениях античной и санскритской топонимики. Не только собранным материалом, но и взвешенностью оценок рецензируемые книги будут полезны будущим исследователям.

Автор убедительно показывает, что в нашем распоряжении нет достоверных фактов о связях Индии с античным Средиземноморьем до эпохи Ахеменидов – наиболее ранние сведения проникли в греческую литературу после экспедиции Скилада. Прежде, чем искать у Геродота или Ктесия отражение индийской действительности, он считает необходимым понять характер ранних греческих описаний, выяснить устойчивые сюжеты и мотивы, чтобы принять во внимание особенности литературного жанра и этнографической теории. Земли, расположенные на краю ойкумены, должны были изобиловать чудесами – именно поэтому растения и животные там наделялись необыкновенными размерами. В рассказах греческих писателей Индия сближается с Египтом и смешивается с Эфиопией, как земля, населенная мудрецами и праведниками, она вбирает в себя черты «страны блаженных». Устойчивый литературный образ отразился даже в сочинениях тех, кто сам имел возможность побывать в Индии. Поэтому хронологические рамки исследования в первой монографии не ограничены походом Александра. Беседы Онесикрита с индийскими мудрецами в Таксиле рассматриваются в качестве продолжения старинной темы о «мудрости варваров». Греки не просто обнаружили «философов» на краю обитаемого мира – они ожидали найти их там, они их там искали.

Многочисленные сопоставления греческих описаний с данными индийской литературы до сих пор принесли мало обнадеживающих результатов – будто речь идет о двух разных странах. К. Карттунен полагает, что, помимо общеизвестных особенностей санскритских источников и расплывчатости их датировки, следует принимать во внимание локальные различия. С Северо-Западной Индией связано формирование ведийской литературы – но это происходило за несколько веков до появления здесь греков. Что же касается классической традиции, представленной дхармашастрами и эпическими поэмами, то она складывалась преимущественно в долине Ганга. Различие между Северо-Западной и Северо-Восточной Индией редко учитывается теми, кто занимается античными памятниками. Между тем для Геродота восточной границей Индии являлась пустыня Тар, а согласно «Законам Ману» та же пустыня и теряющаяся в ее песках р. Сарасвати – западная граница «земли ариев» (Арьяварты). Речь, таким образом, действительно идет о разных странах.

Северо-западные территории расположены на границе индийского и иранского мира, они соединяют черты, присущие тому и другому регионам. При интерпретации сведений античных авторов в первую очередь необходимо искать соответствия в тех санскритских текстах,

данные которых могут быть локализованы в районах Нуристана, Дардистана, долины Свата. Это была зона контактов Индии и державы Ахеменидов, но культура местного населения существенно отличалась от ортодоксально брахманской.

К. Карттунен подробно анализирует те сообщения ранних греческих писателей, которые ассоциируются с указанным регионом – и отличают его от классической Индии (употребление вина, соколиная охота и т.п.). Но особенное внимание он уделяет сказочным и фантастическим сюжетам. Например, «муравьи, добывающие золото» (по Геродоту) в стране дардов, обнаружены и в фольклоре народов Центральной Азии, и в санскритской литературе.

Вслед за Ктесием греческие и латинские авторы рассказывают о чудесной р. Сила, в которой ничто не держится на поверхности, но мгновенно идет на дно. Речь идет о так называемой «Каменной воде» (Sīloda, Sila) – реке, которая, согласно индийским повествованиям, служит границей страны блаженных (Утгара-Куру – в эллинистической литературе Аттакоров, сопоставляемых с гипербореями). На берегах этой Силы (Шилы) растет будто бы гигантский тростник, а стволы, падающие в воду, обращаются в камень.

Не менее интересен Ктесиев сюжет о колоссальном «черве», живущем в Инде, который по ночам выходит из воды и охотится на коней и верблюдов. Индийский царь, поймав такого червя, подвешивает его вниз головой на солнце и собирает капающий из его пасти яд, который способен испепелить все вокруг. Параллельные мотивы встречаются в индийских пуранах, где говорится об огромном змее (Шеша или Такшака, имя которого иногда связывается с Такшашилой/греч. Таксиллой). Змей этот долго висит вниз головой, творя аскетический подвиг. И в конце концов из него начинают сочиться капли страшного яда калакута, сжигающего Вселенную. Над Ктесием в древности смеялись и считали его лжецом. А ныне мы вправе констатировать, что именно он сохранил отголоски мифов народов, живших на восточных границах державы Ахеменидов.

Вторая монография финского исследователя охватывает следующую эпоху, начало которой положил Александр Великий. В первых главах («Conquerors of the World»; «Ancient Diplomacy: Megasthenes») речь идет о проблемах, связанных с историей индийского похода, а также с дипломатической миссией Мегасфена и его сочинением «Индика». В центральной части книги («The Natural Sciences», «Bird-Watchers and Story-Tellers») собран материал античных авторов о природе Индии, ее флоре, фауне, естественных богатствах. Далее следует глава «Греки на Востоке» («Greeks in the East»), где говорится о связях Селевкидов и Маурьев, о греческих надписях, найденных в Афганистане, о монетах греко-бактрийских и греко-индийских царей, об эллинистических культах в Индии и упоминаниях яванов (греков) в индийских источниках. Заключительная часть («India and the Greek West») посвящена традиционным чертам образа Индии в эллинистической литературе и развитию мореплавания в Индийском океане в ту эпоху.

Выдержать хронологические рамки исследования не удается. С одной стороны, сочинения спутников Александра и «Индика» Мегасфена уже рассматривались в первой книге (хотя некоторые сюжеты – например, об индийском Геракле и Дионисе – были бы уместнее именно в данном контексте). С другой стороны, невозможно отделить сведения эллинистических авторов об индийских растениях от той информации, которая сохранилась у писателей римской эпохи. Автору приходится перейти к совершенно иному – тематическому – принципу организации материала. Сосредоточив все сообщения о ботанике в соответствующей главе, он предупреждает читателя, что данная тема уже не будет обсуждаться в римском томе. Такая концентрация материала имеет практическую ценность – получилась маленькая энциклопедия, где можно навести справку о том, что античные авторы разного времени говорили об индийских минералах, животных или пряностях. Однако выбор тематики представляется довольно случайным. Есть специальные параграфы о горах и реках Индии – а информация о городах и народах встречается лишь эпизодически. Очевидно, что само обсуждение темы о драгоценных камнях или пряностях предполагает тщательную работу по локализации географических пунктов и торговых путей – а сюжеты эти скорее всего оставлены для следующего тома.

«Индия и эллинистический мир» – тематика настолько необъятная, что К. Карттунен часто вынужден ограничиваться либо обзором существующих мнений, либо собственными наблюдениями по частным вопросам. И то, и другое, конечно, полезно, но монография теряет единство, превращаясь в собрание очерков – иногда специальных, иногда очень общих. Автор, заинтерисовав читателя той или иной проблемой, спешит перейти к следующей, обещая подробнее раскрыть предыдущую когда-нибудь в другой раз.

Исследователь подчеркивает, что существенное влияние на развитие Индии оказал не сам поход Александра Македонского, а его следствие – образование эллинистических

государств. Эта общая идея вряд ли может быть оспорена. По частным же вопросам, которым автор уделяет существенное внимание, с ним можно дискутировать.

К примеру, К. Карттунен придерживается точки зрения, что дхармасутра Гаутамы является наиболее древним памятником данного жанра и может быть датирована примерно 500 г. до н.э. Сочинение это интересно, между прочим, именно тем, что оно содержит упоминание яванов, т.е. греков. Исходя из указанной выше датировки, можно было бы думать, что индийцы сообщают о греках едва ли не раньше, чем греки об индийцах. Однако давно уже приведены серьезные аргументы (в работах И.Я. Мейера, Р.П. Кангле) в пользу значительно более поздней датировки этой дхармасутры. К. Карттунен не придает должного значения тому факту, что греки определены в ней в качестве особой касты. Для подобной оценки не только путешествия Скилака, но и похода Александра было бы недостаточно. Речь должна идти о крупной социальной группе, проживавшей на основной территории Индии.

Кастовый статус этой группы – низкий, грекам приписывается происхождение от шудр (и в то же время кровь воинов-кшатриев). Мы вправе связать этот пассаж у Гаутамы с индийской традицией о греческих (греко-бактрийских) завоеваниях и соответственно датировать его никак не ранее II в. до н.э. Никаких признаков интерполяции в данном случае нет – а если без аргументов неудобный фрагмент объявлять интерполяцией, то любое научное исследование текста станет просто невозможным.

Второй случай, когда яваны фигурируют в качестве касты, автором не упомянут – в «Нарадия-Манусамхита». Возможно, он предполагает рассмотреть его в следующем томе, однако вряд ли целесообразно такую крохотную тему как «упоминания греков в дхармашастрах» делить между томами, посвященными эллинизму и Риму.

Как уже было сказано, можно только приветствовать тенденцию к такому исследованию древней Индии, которое полностью учитывало бы региональные особенности. Но тем большее сожаление вызывает то, что К. Карттунен пока не дал систематического обзора сведений античных авторов по географии Южной Азии. Затрагивая данную тему он, на наш взгляд, не использовал возможностей тех источников, с которыми работал. Например, государство Асмага у Плиния – несомненно, Ашмака, расположенное на территории Декана, а вовсе не в районе Инда, куда его помещает автор книги (*India and the Hellenistic World*. P. 191). Для соответствующего раздела об индийских тиграх, конечно, весьма существенна локализация этой страны, «изолирующей дикими тиграми».

Вряд ли можно понять Плиния в том смысле, что города Матхура и Крисобора находятся на обоих берегах р. Ямуны у ее впадения в Ганг (*ibid.*, p. 120). Во-первых, это было бы слишком грубой ошибкой в локализации Матхуры – города хорошо известного со времен Мегасфена. Во-вторых, бессмысленной оказалась бы часть фразы о том, что Ямуна перед впадением в Ганг *inter oppida Methora et Chrysobora per palibothros decurrit* – «течет по земле палиботров между этими городами». Палиботры – обозначение народа, столицей которого является город Паталипутра. Таким образом, это название соответствует Магадхе того периода, когда правители Паталипутры распространили свою власть на весь бассейн Ганга. Античный автор, утверждая, что р. Ямуна между Матхурой и Крисоборой течет «по земле палиботров», отмечает западные границы Магадхской державы.

К. Карттунен приводит многочисленные сопоставления горного племени Casiri/Cosiri с санскр. Khasa, Khasira, Kasmira, Kausika, Kasyarapura и т.д. Он совершенно справедливо говорит в итоге, что игра в слова, которые сходным образом звучат на разных языках, мало что дает. Единственным основанием для идентификации касиров он считает указание Плиния, что касиры питаются человечиною. При этом ставится вопрос о локализации их в Кашмире и одновременно каннибальские сюжеты обнаруживаются у кафиров.

Мне представляется, есть и иные основания для локализации, кроме каннибализма. Стоит обратить внимание на то, что касиры у Плиния находятся в центре перечня племен Гиндукуша (Эмода). Кроме того, они упоминаются как среди индийцев (*iam indorum*), так и среди народностей «Скифии», т.е. пограничных областей Восточного Туркестана. Их считают индийцами, но в отличие от настоящих индийцев рассматривают в качестве дикарей и каннибалов. Там, где они обитают, есть проход между Индией и «Скифией», которым регулярно пользуются кочевники (*nomades quoque Indiae vagantur huc*). Последние детали живо напоминают описания путешественников конца прошлого века (см., например, Holdich T.H. *The Indian Borderland*. L., 1909. P. 243): кочевники со своими семьями ежегодно проходят в Индию и обратно по дороге между Лунди Котал и Джалалабадом. Район возле Хайберского перевала является не только «Воротами Индии», но и той зоной, где можно говорить об «уже индийцах», но еще нецивилизованных племенах.

Для точной идентификации племен всего этого недостаточно лишь потому, что мы вовсе не знаем этнической карты региона более двух тысяч лет назад. Речь может идти о далеких предках кафиров-нуристанцев или о других варварских племенах, живших в центральной части Гиндукуша. Но их локализация безусловно не соответствует ни Кашмиру, ни области хкасов (примерно район Алмора), а уровень культуры – городской цивилизации Кашьяпапуры, или Мултана. В ведийском же Kausika и вовсе трудно усмотреть какую-либо близость с касирами. То, что оба названия начинаются на букву «к», недостаточно для их идентификации.

Подобных экскурсов можно сделать немало. Недаром К. Карттунен высказывает надежду на то, что его работы стимулируют дальнейшие исследования античных источников об Индии. Будем ждать обещанный третий том.

А.А. Вигасин

© 2000 г.

W.J. VOGELSANG. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Studies in the History of the Ancient Near East. V. III. Leiden – New York – Köln: E.J. Brill, 1992. XII, 344 p., il., map.

Рецензируемая монография голландского исследователя-ориенталиста Виллема Фогельсанга посвящена такой чрезвычайно интересной проблеме, как феномен организации государства Ахеменидов. Структурно она состоит из семи глав (1. Введение; 2. Земли Восточного Ирана; 3. Ахеменидские источники по Восточному Ирану; 4. Ранние классические упоминания о Восточном Иране; 5. Александр и Восточный Иран; 6. Археологические свидетельства; 7. Иранская Ахеменидская империя) и, кроме того, снабжена библиографией, картами и иллюстрациями.

Во Введении обозначается главный вопрос исследования, а именно: каким образом персы в исторически короткий срок, всего лишь за 20 лет, в пределах второй половины VI в. до н.э., сумели создать огромную империю от эгейского побережья на западе до долины р. Кабул на востоке, которую они, более того, сохранили на протяжении двухсот лет – вплоть до вторжения Александра Македонского? Ответ на этот вопрос автор предлагает искать в тех процессах, которые привели к возникновению царства Ахеменидов, а также в самой его структуре, особенно на ранней стадии его существования. По его мнению, ключевыми для более глубокого понимания структуры и функционирования Ахеменидской империи были ее восточные земли, населенные в основном ираноязычными племенами, этнически и культурно тесно связанными с самими персами, тогда как западное, месопотамское влияние на процесс ее образования в лице Новоассирийского и Нововавилонского государств не было столь определяющим, как это обычно предполагается. Эти восточные земли автор совокупно определяет как «Восточный Иран», подразумевая под таким историко-географическим термином обширнейшую территорию, простирающуюся от Каспийского моря на западе до долины Инда на востоке и от берегов Сырдарьи на севере до побережья Аравийского моря на юге. Иными словами, если следовать современной политической карте, то используемое им понятие «Восточный Иран» охватывает не только восточную часть собственно Ирана, но также и Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Уже во Введении Фогельсанг выдвигает рабочую гипотезу, согласно которой возникновение и существование персидской державы Ахеменидов должны рассматриваться, по крайней мере для большинства ее иранских провинций, как продолжение предшествующих процессов в развитии иранского мира, включая широкомасштабное проникновение в первой половине I тыс. до н.э. на территорию Иранского плато с севера, из Восточного Прикаспия, кочевников-скифов/саков и родственных им племен, а также их важную роль в последующем управлении большей частью восточных ахеменидских владений.

Гл. 2–6 и посвящены собственно проверке данной гипотезы, для чего привлекается и анализируется большой объем информации, содержащийся как в древнеперсидских и